

Участие «Глобального Юга» в международном управлении искусственным интеллектом: вызовы и выбор Китая

Participation of the Global South in International Artificial Intelligence Governance: Challenges and China's Choices

DOI: 10.12737/2587-6295-2026-10-2-254-273

УДК 004.8: 327

Получено: 20.04.2026

Одобрено: 24.05.2026

Опубликовано: 25.06.2026

Чжан Жуйцзянь

Аспирант кафедры сравнительной политологии факультета политологии, ФГБОУ ВО «Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова», г. Москва
e-mail: justfinker@mail.ru

Zhang Ruijian

Postgraduate student of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow
e-mail: justfinker@mail.ru

Аннотация

Целью исследования выступает изучение роли Китая как крупной технологической державы и значимого участника Глобального Юга в расширении участия стран Юга в международном управлении искусственным интеллектом. Искусственный интеллект (ИИ) становится ключевым фактором современной научно-технической революции, определяя развитие глобальной инновационной системы и усиливая конкуренцию за технологическое лидерство. В условиях активного вовлечения государств и негосударственных акторов в международное управление ИИ страны Глобального Юга оказываются в двойственном положении: с одной стороны, они обладают значительным потенциалом развития и заинтересованы в инклюзивных механизмах глобального управления; с другой — сталкиваются с ограничениями, обусловленными недостаточным развитием цифровой инфраструктуры, периферийным положением в глобальных цепочках создания стоимости, утечкой квалифицированных кадров и внешним геотехнологическим давлением. *Методологической основой* исследования выступают институциональный и структурно-функциональный подходы, позволяющие рассмотреть международное управление ИИ как формирующийся глобальный режим, а также элементы политэкономического и неореалистического анализа, применяемые для объяснения распределения технологической власти и интересов государств. В качестве *методов* исследования используются общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции; теоретические методы политической науки, включая сравнительный анализ стратегий государств и системный подход; а также эмпирические методы, в частности анализ международных документов, официальных стратегий, докладов международных организаций и нормативных инициатив в сфере ИИ. Результаты исследования показывают, что Китай, располагая значительными технологическими ресурсами и многоуровневой моделью инновационного развития под стратегическим руководством государства, способствует сокращению цифрового разрыва, распространению ИИ-технологий и институционализации «южного нарратива» в глобальных дискуссиях об управлении ИИ. В *выводах* обосновывается, что участие Китая повышает уровень институциональной

включённости стран Глобального Юга, влияет на баланс между задачами технологической безопасности и развития и способствует формированию более инклюзивной парадигмы глобального управления ИИ. *Теоретическая значимость* исследования заключается в развитии представлений о роли государств Глобального Юга в формировании глобальных режимов управления новыми технологиями и уточнении места Китая в трансформации международного управления ИИ. *Практическая значимость* работы состоит в возможности использования полученных выводов при разработке национальных и международных стратегий сотрудничества в сфере ИИ, а также в экспертно-аналитической и образовательной деятельности.

Ключевые слова: глобальный Юг, искусственный интеллект, международное управление ИИ, Китай, цифровой разрыв, глобальные режимы, технологический суверенитет.

Abstract

The purpose of this study is to examine China's role as a major technological power and a significant participant in the Global South in expanding the participation of Southern countries in the international governance of artificial intelligence. Artificial intelligence (AI) is becoming a key factor in the modern scientific and technological revolution, determining the development of the global innovation system and increasing competition for technological leadership. With the active involvement of states and non-state actors in international AI governance, the countries of the Global South find themselves in a dual position: on the one hand, they have significant development potential and are interested in inclusive global governance mechanisms.; On the other hand, they face constraints caused by insufficient development of digital infrastructure, peripheral position in global value chains, leakage of qualified personnel and external geotechnological pressure. The methodological basis of the research is institutional and structural-functional approaches that allow us to consider international AI governance as an emerging global regime, as well as elements of political economic and neorealistic analysis used to explain the distribution of technological power and interests of states. The research methods used are general scientific methods of analysis and synthesis, induction and deduction; theoretical methods of political science, including comparative analysis of state strategies and a systematic approach.; as well as empirical methods, in particular the analysis of international documents, official strategies, reports of international organizations and regulatory initiatives in the field of AI. The results of the study show that China, with significant technological resources and a multi-level model of innovative development under the strategic leadership of the state, contributes to reducing the digital divide, spreading AI technologies and institutionalizing the "southern narrative" in global discussions about AI governance. The conclusions substantiate that China's participation increases the level of institutional inclusion of the countries of the Global South, influences the balance between the tasks of technological security and development, and contributes to the formation of a more inclusive paradigm of global AI governance. The theoretical significance of the research lies in the development of ideas about the role of the states of the Global South in shaping global management regimes for new technologies and clarifying China's place in the transformation of international AI governance. The practical significance of the work lies in the possibility of using the findings in the development of national and international strategies for cooperation in the field of AI, as well as in expert-analytical and educational activities.

Keywords: global South, artificial intelligence, international AI governance, China, digital divide, global regimes, technological sovereignty.

Введение

Новая волна научно-технической революции, представляемая технологиями искусственного интеллекта, становится одним из важнейших признаков «беспрецедентных перемен, которых не было сто лет». Технологии ИИ рассматриваются как наиболее перспективные универсальные технологии (general purpose technology, GPT) четвертой промышленной революции [7, с. 10] и, с высокой вероятностью, в будущем вызовут цепной эффект, способствуя переходу различных сфер и отраслей от цифровизации и сетевой интеграции к стадии интеллектуализации. ИИ становится определяющей движущей силой глобального экономического развития, трансформации промышленности и социального строительства. С другой стороны, как прорывная технология, ИИ в процессе стремительного развития оказывает воздействие на экономическую, политическую и социальную сферы: среди возникающих вызовов — безработица, вызванная автоматизацией; нарушение конфиденциальности данных вследствие повсеместного внедрения интеллектуальных систем; юридические и интеллектуальные споры, вызванные обучением моделей на данных и созданием генерируемого контента; социально-этические проблемы, обусловленные различиями в ценностях; угрозы оборонной безопасности, создаваемые летальными автономными системами вооружений. Все эти уже проявившиеся вызовы требуют совместного реагирования международного сообщества.

Целью настоящего исследования является определение роли Китая как крупной технологической державы и значимого участника Глобального Юга в расширении их участия стран в международном управлении ИИ.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

1. Охарактеризовать отличительные особенности и определить возможные ограничения участия стран «Глобального Юга» в политической повестке международного управления ИИ.
2. Обозначить и изучить внешние и структурные вызовы, с которыми сталкиваются страны «Глобального Юга» в данной сфере.
3. Определить технологические, институциональные и ценностные преимущества Китая в продвижении участия стран «Глобального Юга» в международном управлении ИИ.
4. Оценить стратегические направления и потенциал Китая в формировании более инклюзивной парадигмы глобального управления искусственным интеллектом.

В рамках данной статьи под «Глобальным Югом» понимается совокупность развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки и части Ближнего Востока, характеризующихся поздним технологическим развитием и ограниченным влиянием на формирование глобальных норм и институтов, в том числе в сфере управления новыми технологиями.

Международное управление искусственным интеллектом рассматривается как совокупность формальных и неформальных институтов, норм, правил и практик, посредством которых государства и негосударственные акторы координируют развитие, использование и регулирование технологий ИИ на глобальном уровне.

Под инклюзивностью глобального управления в статье понимается степень институционального участия и реального влияния развивающихся стран на процессы выработки норм, стандартов и решений, а также учет их потребностей в сфере развития, технологического доступа и наращивания потенциала.

Обзор научной литературы

В научной литературе, посвящённой международному управлению искусственным интеллектом, сформировались принципиально различные подходы к пониманию сущности ИИ, характера связанных с ним вызовов и роли развивающихся стран в глобальной системе регулирования. Эти различия носят не только эмпирический, но и теоретико-методологический характер, отражая принадлежность авторов к различным научным традициям и исследовательским школам.

Одну из наиболее влиятельных позиций представляет ориентированный на безопасность (risk-based / security-oriented) подход, доминирующий в западной политологической и международно-правовой литературе. В рамках данной исследовательской традиции искусственный интеллект рассматривается, прежде всего, как источник новых системных рисков — от угроз национальной безопасности до потенциальных экзистенциальных последствий для человечества. Ли Янь подчёркивает, что международное управление ИИ в последние годы формируется под воздействием логики «предпочтения безопасности», при которой приоритет отдаётся предотвращению рисков, даже если это ведёт к замедлению технологического развития и ограничению международного сотрудничества [3]. Аналогичную позицию занимает Цзя Кай, указывая, что существующие режимы глобального управления ИИ воспроизводят институциональную асимметрию и отражают интересы технологически развитых государств, обладающих наибольшими возможностями контроля и регулирования [10].

С точки зрения представителей данного подхода, страны «Глобального Юга» в условиях быстрого развития ИИ обладают ограниченными институциональными и технологическими возможностями и потому должны, в первую очередь, следовать установленным международным стандартам безопасности. Критики данной позиции отмечают, что подобная логика фактически исключает развивающиеся страны из процессов нормотворчества, закрепляя их периферийное положение в глобальной системе управления.

В рамках ориентированного на безопасность и нормативный контроль подхода можно выделить несколько взаимосвязанных, но не тождественных исследовательских линий. Часть авторов фокусируется на этико-нормативных основаниях управления ИИ, другие на институциональном проектировании механизмов регулирования, третьи на вопросах публичной подотчётности и легитимности алгоритмических решений. Так, Л. Флориди и соавторы предлагают этико-нормативную модель управления ИИ, основанную на принципе «социального блага» и идее встроенной ответственности (ethics-by-design). Авторы исходят из того, что эффективное управление ИИ возможно лишь при интеграции этических принципов на ранних этапах проектирования технологий, а также при наличии универсальных нормативных ориентиров, применимых в глобальном масштабе [18]. Данный подход подчёркивает необходимость превентивного регулирования и формирует теоретическую основу для разработки международных стандартов в сфере ИИ.

Институциональное измерение управления ИИ получает развитие в работе Гассера и Алмейды, которые предлагают многоуровневую модель (layered model) регулирования, включающую национальный, региональный и глобальный уровни. По мнению авторов, сложность и трансграничный характер ИИ требуют распределения регуляторных функций между различными институциональными уровнями и акторами, что позволяет повысить эффективность контроля и снизить риски фрагментации нормативных режимов [16]. При этом ключевая роль в координации таких механизмов отводится международным институтам и экспертным сообществам.

В свою очередь, Бинс смещает акцент с формальных институтов и нормативных рамок на проблему публичной подотчётности алгоритмических систем. Развивая концепцию алгоритмической ответственности, он указывает, что без прозрачных процедур объяснения и общественного обсуждения решений, принимаемых на основе ИИ, управление технологиями рискует утратить демократическую легитимность [15]. Данный подход подчёркивает значимость общественного участия и процедур публичного разума в формировании политики регулирования ИИ.

Несмотря на различия в теоретических акцентах, объединяющим элементом данных исследований является ориентация на нормативное и институциональное упорядочение развития ИИ. В то же время критики отмечают, что предложенные модели преимущественно исходят из институционального и технологического контекста развитых стран и в ограниченной степени учитывают структурные ограничения и потребности стран

«Глобального Юга», что порождает риск воспроизводства глобального неравенства в сфере управления искусственным интеллектом.

Противоположный взгляд представлен в рамках развивающе-ориентированного и инклюзивного подхода, который получил распространение в исследованиях, посвящённых проблемам глобального неравенства и политической экономии технологий. Чинаса Т. Около подчёркивает, что ключевой вызов для стран «Глобального Юга» заключается не в самих рисках ИИ, а в структурных ограничениях доступа к данным, вычислительным ресурсам и человеческому капиталу [19]. Чжан Чуньюй, анализируя африканский опыт, показывает, что при наличии институциональной поддержки и международного сотрудничества ИИ способен стать фактором ускоренного развития, а не угрозой социальной стабильности [11].

В рамках данной исследовательской традиции международное управление ИИ рассматривается как инструмент наращивания потенциала и перераспределения возможностей, а не исключительно как механизм контроля рисков. Представители этого подхода критикуют западную модель за её нормативную закрытость и подчёркивают необходимость институциональной инклюзивности, трансфера технологий и учёта специфических потребностей развивающихся стран.

Особое место в научных дискуссиях занимает китайская политологическая и политэкономическая школа, которая формирует самостоятельную исследовательскую традицию в изучении международного управления ИИ. Лу Чуаньин подчёркивает, что Китай, сохраняя статус развивающейся страны, последовательно выступает за реформирование глобальных институтов управления ИИ на основе принципа равного права на развитие и уважения многообразия национальных моделей [4]. Ши Цин рассматривает Китай как представителя «первого ряда» Глобального Юга, способного институционально артикулировать интересы развивающихся стран и интегрировать их в глобальную нормативную повестку [13]. В работах Яо Сюя и Цзян Тяньцзяо показано, что страны БРИКС стремятся сформировать альтернативную модель управления ИИ, сочетающую вопросы безопасности с задачами социально-экономического развития [14].

В отличие от западной школы, китайская исследовательская традиция критикует секьюритизацию ИИ как фактор, усиливающий глобальное неравенство, и предлагает смещение акцента от «управления рисками» к «управлению развитием». Таким образом, научные дискуссии по проблеме международного управления ИИ отражают глубинное расхождение теоретических установок и ценностных приоритетов, что напрямую влияет на положение стран «Глобального Юга» в глобальной системе регулирования.

Наряду с обозначенными подходами в научной литературе выделяется также направление, сосредоточенное на анализе международного управления ИИ в контексте соперничества великих держав и трансформации глобального технологического порядка. В рамках данного направления искусственный интеллект рассматривается как стратегический ресурс, а процессы его регулирования — как часть более широкой геотехнологической конкуренции. Джеффри Динг, анализируя роль универсальных технологий в восхождении великих держав, подчёркивает, что контроль над ключевыми технологическими платформами и стандартами определяет не только экономическое развитие, но и перераспределение международной власти [17]. С этой точки зрения международное управление ИИ становится ареной борьбы за установление правил, выгодных технологическим лидерам, тогда как страны с поздним стартом оказываются структурно ограниченными в возможности влиять на нормативную архитектуру.

В рамках данного подхода подчёркивается, что существующие инициативы по регулированию ИИ, формируемые за пределами системы ООН и при активном участии ограниченного круга развитых государств, обладают низкой степенью представительности. Это усиливает дисбаланс между «Глобальным Севером» и «Глобальным Югом» и способствует закреплению асимметричной структуры глобального технологического управления. При этом внимание исследователей в большей степени сосредоточено на

соперничестве между ведущими державами, тогда как роль развивающихся стран зачастую рассматривается вторично — как объект влияния или поле применения внешних стандартов.

В то же время ряд авторов указывает на растущую субъектность стран «Глобального Юга» в международных технологических процессах. Исследования, посвящённые многосторонним форматам сотрудничества, таким как БРИКС, показывают, что развивающиеся страны постепенно переходят от адаптивной позиции к попыткам коллективного формулирования альтернативных норм и принципов управления ИИ. Яо Сюй и Цзян Тяньцзяо отмечают, что взаимодействие стран БРИКС в сфере ИИ отражает стремление сочетать вопросы безопасности с задачами развития, а также расширить институциональное присутствие развивающихся государств в глобальных дискуссиях [14]. Однако данные исследования, как правило, сосредоточены на отдельных форматах сотрудничества и не дают целостной картины роли конкретных государств-лидеров в институциональном продвижении интересов «Глобального Юга».

Отдельного внимания заслуживают работы, анализирующие нормативно-ценностное измерение международного управления ИИ. В них подчёркивается, что борьба за правила регулирования носит не только институциональный, но и дискурсивный характер. Западная исследовательская традиция, как правило, исходит из универсалистских представлений о ценностях и нормах, тогда как альтернативные подходы настаивают на необходимости учёта культурного, социального и экономического разнообразия. Китайские исследователи подчёркивают, что навязывание единых стандартов без учёта уровня развития и институциональной специфики развивающихся стран может приводить к воспроизводству неравенства и подрыву суверенитета в цифровой сфере [4; 14].

В этой связи в литературе всё чаще поднимается вопрос о необходимости реформирования существующих механизмов глобального управления ИИ и расширения участия стран «Глобального Юга» в процессах нормотворчества. Однако, несмотря на рост числа исследований, посвящённых проблемам инклюзивности и развитию, остаётся недостаточно изученным вопрос о конкретных институциональных и стратегических механизмах, посредством которых отдельные государства могут способствовать усилению роли развивающихся стран в глобальном управлении ИИ.

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что существующие исследования либо сосредоточены на секьюритизации и контроле рисков, либо рассматривают ИИ как инструмент развития в абстрактном виде, либо анализируют геотехнологическое соперничество ведущих держав. При этом роль Китая как потенциального посредника между странами «Глобального Юга» и формирующимися глобальными режимами управления ИИ, а также его вклад в институциональное расширение участия развивающихся стран, остаётся фрагментарно освещённой. Настоящее исследование направлено на восполнение данного пробела путём комплексного анализа китайской модели участия в международном управлении искусственным интеллектом и её значения для трансформации глобальной системы регулирования.

Методы

Методологической основой исследования выступают институциональный и структурно-функциональный подходы, позволяющие рассматривать международное управление искусственным интеллектом как формирующийся глобальный режим, включающий совокупность норм, правил, институтов и практик взаимодействия государств и негосударственных акторов. Для анализа распределения технологических возможностей и институционального влияния стран «Глобального Юга» используются элементы политэкономического подхода, акцентирующего связь между уровнем технологического развития, доступом к ресурсам и позициями в глобальной системе управления.

Ключевым методом исследования является сравнительный анализ. Он применяется для сопоставления подходов различных групп государств — развитых стран, Китая и стран «Глобального Юга» — к международному управлению искусственным интеллектом.

Процедура сравнительного анализа включает несколько этапов. На первом этапе осуществляется отбор релевантных объектов сравнения, к которым относятся национальные стратегии в области ИИ, международные инициативы и нормативные документы. На втором этапе формируются параметры сравнения, включая приоритеты регулирования (безопасность или развитие), степень институциональной включённости, отношение к трансферу технологий и роли международных организаций. На третьем этапе выявляются сходства и различия в подходах, а также их последствия для участия стран «Глобального Юга» в глобальном управлении ИИ.

Важное место в исследовании занимает анализ международных документов как эмпирический метод. В качестве источников используются резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, материалы ЮНЕСКО, документы БРИКС, а также официальные инициативы и стратегические документы Китая в сфере искусственного интеллекта. Процедура анализа документов включает идентификацию ключевых нормативных установок, дискурсивных акцентов и институциональных механизмов, связанных с участием развивающихся стран в управлении ИИ. В ходе анализа особое внимание уделяется формулировкам, отражающим баланс между задачами безопасности и развития, а также вопросам инклюзивности и наращивания потенциала.

Для систематизации полученных данных применяется структурно-функциональный анализ, позволяющий выявить роль отдельных институтов и механизмов в формирующейся системе международного управления ИИ. Данный метод используется для анализа функций международных организаций, многосторонних платформ и инициатив сотрудничества, а также для оценки их вклада в расширение участия стран «Глобального Юга».

Совокупное использование указанных методов обеспечивает комплексный анализ международного управления искусственным интеллектом, позволяя связать институциональные процессы, нормативные установки и политико-экономические факторы. Это создаёт основу для оценки роли Китая в формировании более инклюзивной модели глобального управления ИИ и проверки выдвинутой в исследовании гипотезы.

Результаты анализа

Практика и вызовы участия «Глобального Юга» в международном управлении искусственным интеллектом

На фоне активного вовлечения государств мира в процесс международного управления ИИ, страны «Глобального Юга» демонстрируют возрастающую субъектность, стремясь завоевать собственное право голоса в технологической сфере, определяющей будущее развитие. Однако большинство стран «Глобального Юга» по-прежнему сталкиваются с множеством структурных вызовов, ограничивающих их влияние и позиции в системе глобального управления.

I. Практика управления искусственным интеллектом в странах «Глобального Юга».

С расширением участия «Глобального Юга» в региональных и международных многосторонних платформах они развивают практику управления в сферах инклюзивного ИИ, устойчивого развития, суверенитета над данными и технологического сотрудничества.

Во-первых, в рамках региональных механизмов сотрудничества страны «Глобального Юга» формируют сообщества по управлению ИИ через соответствующие платформы. С 2024 года различные региональные организации «Глобального Юга» ускорили разработку стратегических документов по управлению ИИ. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) находится в числе лидеров в региональной интеграции «Глобального Юга» в этой области. В феврале 2024 г. АСЕАН опубликовала «Руководство по управлению и этике искусственного интеллекта» (ASEAN Guide on AI Governance and Ethics), в котором вопросы этики и безопасности стоят в центре внимания, а государства призываются к балансу между инновациями и рисками и созданию региональной экосистемы ИИ. Этот документ отражает своевременный подход АСЕАН к управлению ИИ.

Африка, несмотря на относительно низкий уровень развития исследований и применения ИИ, также признаёт его трансформационный потенциал для будущего развития континента. В июле 2024 г. Африканский союз опубликовал «Континентальную стратегию развития искусственного интеллекта» (Continental Artificial Intelligence Strategy), предписывающую государствам-членам в кратчайшие сроки сформировать национальные стратегии по ИИ и к 2030 г. создать региональную инновационную сеть и индустрию масштабного уровня, чтобы повысить влияние Африки в глобальном управлении ИИ.

Во-вторых, на международных многосторонних платформах страны «Глобального Юга» выступают за демократизацию управления ИИ и перераспределение нормотворческой власти. С одной стороны, они активно поддерживают ключевую роль ООН в управлении ИИ. В ноябре 2021 г. ЮНЕСКО приняла «Рекомендацию об этических аспектах искусственного интеллекта» (Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence). В процессе её подготовки многие развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки активно участвовали, способствуя включению принципов широкого участия, технологического равенства и защиты культурного разнообразия. В июле 2024 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла предложенную Китаем и поддержанную более чем 140 странами резолюцию «О международном сотрудничестве по укреплению потенциала в области искусственного интеллекта», призывающую содействовать повышению возможностей развивающихся стран и укреплению центральной роли ООН в обеспечении инклюзивного развития ИИ.

С другой стороны, страны «Глобального Юга», представленные, прежде всего, БРИКС, также активно обсуждают вопросы сотрудничества по управлению ИИ и проводят диалог и совместные исследования в областях этики ИИ, безопасности данных и прозрачности алгоритмов, продвигая создание глобальной системы цифрового управления, основанной на децентрализации, уважении суверенитета и развитии сотрудничества. В августе 2024 г. был запущен Центр развития и сотрудничества ИИ Китай — БРИКС; в октябре шестнадцатая встреча лидеров стран БРИКС приняла «Казанскую декларацию», вновь подтвердившую поддержку роли ООН и обязательство содействовать повышению потенциалов развивающихся стран в области ИИ.

Эти региональные и международные многосторонние платформы не только создают опору для расширения институционального права голоса «Глобального Юга», но и свидетельствуют о продолжающемся росте его субъектной роли в международном управлении ИИ.

II. Структурные трудности развития искусственного интеллекта в странах «Глобального Юга».

Несмотря на достигнутые заметные успехи, страны «Глобального Юга» продолжают сталкиваться с серьёзными структурными препятствиями и реальными вызовами на пути продвижения трансформации парадигмы международного управления ИИ.

Во-первых, «цифровой разрыв», вызванный нехваткой цифровой инфраструктуры, препятствует устойчивому цифровому развитию. Развёртывание и распространение технологий ИИ требуют не только специализированных инфраструктурных платформ, но и комплексной цифровой инфраструктуры: сетевой инфраструктуры (оптоволоконные линии, кабельные сети, 4G, 5G, спутниковая связь), вычислительной инфраструктуры (центры обработки данных и узлы вычислительной мощности), а также цифровизации традиционных инфраструктур, создающих платформу для применения технологий. Однако разрыв между «Глобальным Севером» и «Глобальным Югом» в сфере цифровых возможностей крайне существенен. По регионам: средний мировой уровень проникновения интернета составляет около 67,9%. В Европе и Северной Америке этот показатель превышает 90%, в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии — ниже 80%, тогда как в Южной Азии, Западной, Центральной и Восточной Африке он значительно ниже мирового среднего, а в отдельных регионах не достигает и 40% [19]. Распределение центров обработки данных и вычислительных мощностей также крайне неравномерно: основная их доля сосредоточена в странах «Глобального Севера». США обладают 5426 центрами обработки данных — около

40% мирового числа [20]. При этом половина африканских государств вообще не имеет собственных центров обработки данных. Масштабные вычисления и обучение моделей ИИ требуют значительных энергетических ресурсов, но многие страны «Глобального Юга» испытывают дефицит энергетической инфраструктуры. Хотя население этих стран составляет около 60% мирового населения, на их долю приходится лишь 18% глобальной выработки электроэнергии¹ [18]. Недостаточные инвестиции в энергосистемы дополнительно усложняют развитие цифровой инфраструктуры.

Во-вторых, большинство стран Юга занимают периферийное положение в цепочке создания стоимости в сфере ИИ.

1. Разработка ключевых алгоритмов и доступ к высокопроизводительным вычислительным ресурсам сосредоточены в США, Китае и ограниченном числе технологически развитых стран; основные инвестиции также приходятся на лидирующие государства. Странам Юга трудно получить ресурсы для проектирования и обучения передовых моделей.

2. Производство ключевого оборудования (GPU, специализированные ускорители) и чипов находится под контролем транснациональных корпораций; возможности для передачи технологий сильно ограничены.

3. Сбор и разметка данных в ряде развивающихся стран остаются слабым звеном: отсутствуют крупные массивы качественных и разнообразных данных, а также возможности их самостоятельной обработки. Это лишает их конкурентоспособности перед крупными ИТ-компаниями, обладающими сильными сетевыми и масштабными эффектами.

Такая неравномерная структура глобального разделения труда ведёт к низкой доле стран Юга в прибыли ИИ-индустрии, усиливает технологическую зависимость, ограничивает инновационный потенциал и, в долгосрочной перспективе, может углублять цифровой разрыв между Севером и Югом, ослаблять их переговорные позиции и автономию развития. В результате они чаще выступают экспортёрами данных, а не создателями интеллектуальных технологий, что тормозит экономический рост и цифровую трансформацию управления.

В-третьих, наблюдается существенная нехватка кадров. Несмотря на рост доступности образования и повышение общего уровня грамотности, базовое образование в странах «Глобального Юга» всё ещё испытывает значительные проблемы. Согласно отчёту ЮНИСЕФ 2023 г., около двух третей детей в этих странах к 10 годам не достигают минимального уровня навыков чтения [21]. В сфере высшего образования, несмотря на рост числа студентов, средние расходы на одного учащегося сократились, что повлияло на качество подготовки и исследовательские возможности. В целом доля государственных расходов на образование в странах «Глобального Юга» ниже рекомендованного ЮНЕСКО в «Рамочной программе действий по образованию – 2030» уровня в 4–6% ВВП [2]. Значительна и «утечка мозгов», квалифицированные специалисты уезжают в технологически развитые страны, где больше возможностей для развития, что усугубляет дефицит кадров. Ограниченные возможности международного сотрудничества также препятствуют повышению качества подготовки [17, с. 44]. Все эти факторы приводят к тому, что страны Юга оказываются в неблагоприятном положении в глобальной конкуренции за таланты, что сдерживает развитие собственных научно-технологических компетенций и ограничивает потенциал цифровой экономики.

Кроме того, такие проблемы, как риск роста безработицы из-за автоматизации, дефицит качественных наборов данных, угрозы безопасности данных и др., усугубляют структурные вызовы [12, с. 59-60]. Поэтому, несмотря на высокие ожидания и внимание к возможностям ИИ в странах «Глобального Юга», существующие объективные ограничения серьёзно усложняют реализацию их стратегических устремлений.

¹ Из-за различий в определении «Глобального Юга» в различных исследованиях, данные не включают Китай, поэтому могут отличаться от некоторых статистических сводок.

III. Внешние вызовы участию стран «Глобального Юга» в международном управлении ИИ.

Перечисленные выше структурные проблемы не только ограничивают развитие ИИ в странах «Глобального Юга», но и ослабляют их переговорную позицию и автономию в глобальной системе управления, что делает их требования и интересы всё более зависимыми от внешних факторов. Особенно значимыми становятся такие факторы, как исключаящий характер механизмов регулирования, формируемых развитыми государствами, и перестройка геополитического ландшафта.

Во-первых, действующие рамки управления ИИ формируются преимущественно странами «Глобального Севера», представленными Европой и США. На уровне определения повестки, установления ценностных стандартов и оценки технологий пока не удалось достичь глобального консенсуса, обеспечивающего открытость, ответственность и справедливость. Более того, на уровне институционального проектирования и практической реализации сохраняется исключение стран «Глобального Юга» из процессов принятия решений. В результате существующие механизмы регулирования ИИ не способны эффективно учитывать потребности развивающихся государств и, тем более, сформировать универсально признанную международную договорённость [10, с. 74-75]. Даже на платформе ООН, где страны Юга стремятся добиться институциональных гарантий в области обмена данными, трансфера технологий и наращивания компетенций, их инициативы часто маргинализируются, рассматриваются исключительно как «повестка развития» и не получают реальной поддержки в рамках ведущих нормативных дискуссий.

Согласно отчёту ООН «Управлять искусственным интеллектом на благо человечества», опубликованному в сентябре 2024 г., из семи международных инициатив по регулированию ИИ, не относящихся к системе ООН, только семь стран (G7) участвовали во всех семи декларациях, тогда как 118 государств — главным образом «Глобального Юга» — не участвовали ни в одной из них [22]. Следовательно, большинство инициатив по глобальному управлению ИИ не обладают необходимой представительностью. Во-вторых, международное управление ИИ оказывается в значительной степени подчинено логике соперничества великих держав, что препятствует достижению координации. США и другие западные государства всё более «секьюритизируют» и идеологизируют вопрос искусственного интеллекта, выдвигая концепцию «малый двор с высокой стеной»: создают барьеры под предлогом национальной безопасности, ограничивают трансграничное движение ключевых технологий и высококвалифицированных специалистов, фактически создавая систему защиты собственного технологического доминирования. В таких условиях развитие сотрудничества по ИИ вытесняется логикой безопасности, глобальное пространство для совместного управления сужается, а страны Юга ещё сильнее оказываются на периферии процесса формирования правил. Технологическая блокада и барьеры доступа к знаниям усиливают модель «центр — периферия», оставляя страны Юга в зависимости в сферах фундаментальных исследований, вычислительных ресурсов и движения талантов, что не позволяет им заявлять весомую позицию по ключевым вопросам.

Кроме того, в современном ландшафте управления ИИ крупнейшие западные технологические корпорации (Google, Microsoft, OpenAI, Meta*² и др.) выступают не только ведущими факторами технологических инноваций, но и фактическими архитекторами стандартов и повестки регулирования. Обладая преимуществами в разработке алгоритмов, вычислительных мощностях, объёмах данных и построении экосистем, эти компании формируют технологические высоты в сфере ИИ, создавая властную конфигурацию, основанную на взаимодействии «платформа — стандарт — экосистема». Их влияние в международных механизмах управления постоянно растёт: они участвуют в разработке транснациональных стандартов и этических рамок, а также через технологическую закрытость и отраслевую консолидацию напрямую воздействуют на направления развития

² * Корпорация Meta признана экстремистской организацией и запрещена на территории Российской Федерации.

регулирования. На фоне обострения технологической геополитики наблюдается всё более явная тенденция «огосударствления» этих корпораций, когда их деятельность тесно увязывается с национальными интересами, что ещё больше укрепляет доминирование западных стран в международном управлении ИИ [8, с. 132].

Преимущества Китая в продвижении участия «Глобального Юга» в управлении искусственным интеллектом

Китай, являясь важным участником «Глобального Юга» и крупной державой в сфере новых технологий, обладает уникальными преимуществами в продвижении вовлечения «Глобального Юга» в международное управление искусственным интеллектом. Он способен обеспечить системную поддержку государствам Юга в преодолении существующих трудностей и способствовать формированию более инклюзивного нового порядка глобального управления ИИ.

I. Технологический потенциал Китая для участия в международном управлении искусственным интеллектом.

Бурный прогресс Китая в области ИИ и системное накопление технологических компетенций в последние годы стали важной опорой его усилий по содействию развитию ИИ в странах «Глобального Юга».

С точки зрения индустриального потенциала Китай быстро сокращает разрыв с США в технологической сфере и в таких направлениях, как инновации в алгоритмах, строительство вычислительной инфраструктуры, управление данными и расширение сфер применения технологий. Страна сформировала относительно полную промышленную цепочку и инновационную экосистему искусственного интеллекта. Согласно данным отчёта КПМГ за 2023 год по количеству компаний в сфере ИИ, США и Китай занимают первые два места — 33,6 % (12 925 компаний) и 16% (5734 компании) соответственно, что вместе составляет почти половину мирового рынка [23]. В сегменте «умного» потребительского оборудования, по данным того же года, США остаются крупнейшим источником технологий с примерно 37,32% всех патентных заявок, однако Китай занимает второе место с долей около 28,66% [1]. По исследованию Стэнфордского института Human-Centered AI (HAI, Человекоориентированный искусственный интеллект), опубликованному в 2024 г., США и Китай также занимают ведущие позиции по уровню лидерства в области ИИ. США сохраняют преимущество в научных исследованиях, экономической активности и инфраструктуре, тогда как Китай вышел на первое место в мире по числу заявок на патенты в сфере ИИ — 69,7% от глобального объёма, демонстрируя стремительный рост инновационного потенциала.

В совокупности это показывает, что Китай уже сформировал достаточно разветвлённую технологическую и производственную основу в ключевых звеньях — от НИОКР и вычислительных ресурсов до управления данными и практического внедрения решений. Усиление комплексных технологических возможностей не только способствует модернизации цифровой экономики и системы государственного управления в самом Китае, но и предоставляет странам «Глобального Юга» ценный практический опыт и действенные модели развития. Благодаря преимуществам Китая в локализации технологий и совместном строительстве инфраструктуры появляется возможность поддержать государства Юга в создании собственной системы компетенций в области искусственного интеллекта с учётом местной специфики.

II. Ценностная основа лидерства Китая в международном управлении искусственным интеллектом.

Являясь важным членом «Глобального Юга», Китай в международном управлении последовательно придерживается своей идентичности как развивающейся страны и участника «первого ряда» Глобального Юга, активно выступая на многосторонних площадках за равенство в праве на развитие и за многообразие подходов к технологическому регулированию. Такая идентичность выражается не только в политической риторике, но и

в долгосрочной институциональной поддержке интересов развивающихся государств и их практических потребностей [15, с. 15].

В области искусственного интеллекта Китай продвигает глобальную систему управления, основанную на инклюзивности и приоритете развития, подчёркивая, что технологии должны служить общественному благу и способствовать сокращению разрыва в развитии.

Предложенная Китаем в 2023 г. «Глобальная инициатива по управлению искусственным интеллектом» получила активную поддержку со стороны многих государств «Глобального Юга». В документе акцентируются такие ключевые принципы, как «ИИ — во благо человеку», «не вмешиваться во внутренние дела других государств», «взаимное уважение и равноправное сотрудничество», «расширение представительности и голоса развивающихся стран». Эти положения полностью отражают структурные потребности государств Юга в сфере ИИ и вызвали среди них широкий отклик.

Принятая в 2024 г. «Шанхайская декларация по глобальному управлению искусственным интеллектом» вновь подтвердила позицию Китая о необходимости обеспечения справедливых благ цифрового развития для всех стран. Благодаря укреплению ценностного резонанса Китай постепенно формирует в международном управлении ИИ отличающуюся от западных моделей «логику Юга» и «голос Юга» и на этой основе продвигает формирование более справедливого, сбалансированного и ориентированного на развитие мирового порядка в сфере регулирования технологий.

Стремление к созданию открытой и всеобщей системы глобального управления ИИ внутренне согласуется с концепцией «сообщества единой судьбы человечества». Она предполагает совместный ответ стран на общие вызовы, формирование справедливой системы глобального управления и достижение общего развития и благосостояния. Построение международного управления ИИ в логике сообщества единой судьбы, основанное на принципах совместного обсуждения, совместного строительства и использования результатов, является преодолением западной логики технологической гегемонии [4, с. 30]. Такой подход, базирующийся на равенстве права на развитие и институциональной инклюзивности, предоставляет странам с поздним технологическим стартом больше пространства для разработки собственных правил и построения самостоятельного пути развития технологий ИИ. Тем самым он превращает концепцию сообщества единой судьбы человечества в новую, реально осязаемую модель технологического управления, в которой государства «Глобального Юга» могут участвовать полноценно, равноправно и с гарантированной выгодой.

III. Демонстрационный путь развития искусственного интеллекта в Китае.

Путь развития ИИ в Китае отличается высокой технологической автономией и ориентацией на практическое применение, что отличает его от западной модели, основанной на частном капитале и рыночных механизмах. Правительство Китая играет ключевую стратегическую и ресурсно-распределительную роль в развитии ИИ, вырабатывая гибридную модель, где государство задаёт стратегическое направление, рынок обеспечивает механизмы, а координация способствует инновациям и промышленному внедрению. Такая модель хорошо адаптируется к условиям стран «Глобального Юга», предоставляя им практический опыт достижения технологического рывка и модернизации промышленности при ограниченных ресурсах.

В 2017 г. Государственный совет Китая опубликовал «План развития искусственного интеллекта нового поколения», в котором определены стратегические цели развития ИИ в Китае:

- к 2020 г. общие технологии и применение ИИ должны быть синхронизированы с мировым уровнем, ИИ-индустрия должна стать новым важным источником экономического роста, а применение ИИ — новым средством улучшения жизни населения;
- к 2025 г. ожидаются значительные прорывы в фундаментальных теориях ИИ, часть технологий и приложений должна достигнуть мирового лидирующего уровня, ИИ станет

основным двигателем модернизации промышленности и экономического перехода, а строительство «умного общества» достигнет заметного прогресса;

– к 2030 г. теория, технологии и применение ИИ должны в целом достичь мирового лидирующего уровня, а Китай станет одним из ведущих центров инноваций в сфере ИИ.

На сегодняшний день цели 2020 и 2025 г. уже достигнуты. Инвестиции в передовые технологии, а также в инфраструктуру, данные и человеческие ресурсы существенно усилили инновационный потенциал Китая в области ИИ и создали прочную основу для формирования полноценной экосистемы ИИ.

Кроме того, развитие ИИ в Китае строится на принципе «приоритет развития», подчёркивая, что технологии должны служить целям социального управления, общественных услуг и экономической трансформации. Такой ориентированный на решение проблем развития подход отличается от западной логики ИИ, движимой коммерческим капиталом, и лучше соответствует насущным потребностям стран «Глобального Юга» в цифровой трансформации ключевых областей, таких как образование, здравоохранение и сельское хозяйство. Согласно докладу Всемирного экономического форума (World Economic Forum) 2025 г. «От плана к действию: путь Китая к индустриальной трансформации с использованием ИИ» (Blueprint to Action: China's Path to AI-Powered Industry Transformation), Китай уже широко применяет ИИ в промышленности, транспорте, ритейле, здравоохранении, финансах, возобновляемой энергетике и сфере публичных услуг, ориентируясь на социальные потребности, решая вопросы неравномерного распределения ресурсов, недостаточного покрытия услуг и повышения эффективности производства. Практика Китая демонстрирует, что ИИ может стать важным инструментом повышения эффективности управления обществом и обеспечения инклюзивного развития.

Наконец, институциональная структура развития ИИ в Китае также обладает высокой переносимостью. В отличие от западной модели, сильно зависящей от рыночных механизмов и частного капитала, китайская модель акцентирует внимание на институциональном участии государства и формировании политики. Это проявляется в системном верхнеуровневом проектировании стандартов технологий, подготовки кадров, управления данными и строительства инфраструктуры. Для стран Южного полушария с похожей институциональной структурой и сравнительно ограниченными публичными ресурсами такая модель является значимой и адаптируемой. С одной стороны, она помогает сохранять технологический суверенитет в международной среде, где доминируют западный капитал и транснациональные технологические компании; с другой стороны, предоставляет странам альтернативный путь построения собственной экосистемы ИИ — через интеграцию институтов и государственное руководство, институциональные гарантии адаптивного управления и материальную основу инфраструктуры, что позволяет преобразовать технологический импорт в внутренние возможности.

Таким образом, опыт Китая в развитии ИИ постепенно формирует для стран «Глобального Юга» модель «развивающейся ориентированной на развитие и институционально управляемой технологической траектории», предоставляя поздноразвивающимся странам ценные ориентиры и практические уроки.

Стратегический выбор Китая в продвижении участия стран «Глобального Юга» в международном управлении искусственным интеллектом

Продвижение участия стран «Глобального Юга» в международном управлении ИИ должно опираться на три уровня власти. Во-первых, материальная власть отражает технологические возможности стран «Глобального Юга» в области ИИ, а также их положение в глобальных цепочках производства, ценности и поставок; во-вторых, институциональная власть связана с правом стран «Глобального Юга» создавать или участвовать в институтах управления ИИ, регулировать нормы, распределять дискурсивные права и влиять на международную повестку; в-третьих, идеологическая власть касается формирования международной повестки ИИ, системы технологического управления и ценностных

ориентиров технологий [8, с. 88]. На основе этих уровней власти Китай может повышать способность и готовность стран «Глобального Юга» участвовать в международном управлении ИИ.

I. Стратегический переход от «участника» к «лидеру».

Как было отмечено выше, Китай уже стал незаменимым участником глобального управления ИИ. Во-первых, прорывы в области фундаментальных технологий ИИ и их промышленного применения предоставляют Китаю прочную техническую основу для активного участия в управлении; во-вторых, через участие в обсуждениях международных стандартов и правил Китай углубляет координацию политики, продвигает более справедливую, инклюзивную и ориентированную на развитие систему управления, подчёркивая баланс между технологической доступностью и этикой безопасности; в-третьих, посредством многосторонних и двусторонних механизмов сотрудничества Китай постепенно усиливает своё влияние, продвигает принципы взаимной выгоды и обеспечивает равное участие развивающихся стран в процессах управления и укреплении их потенциала. В будущем, с дальнейшим развитием технологий ИИ, Китай сможет играть более значимую роль в области этического надзора, оценки технической безопасности и подготовки кадров, укрепляя своё положение в международном управлении.

«Китай является инициатором и активным действующим лицом в продвижении инклюзивного и всеобщего развития ИИ» [9, с. 3]. В сентябре 2024 г. Китай предложил «Всеобщий план развития потенциала в области ИИ», цель которого — «сократить цифровой и интеллектуальный разрыв, особенно обеспечивая равные возможности стран «Глобального Юга» в процессе развития ИИ». Основные направления плана включают:

1. развитие интеграции цифровой инфраструктуры и ИИ;
2. продвижение во всех экономических отраслях концепции «ИИ плюс»³;
3. подготовка кадров и увеличение грамотности в области ИИ;
4. улучшение безопасности и разнообразия данных ИИ;
5. обеспечение управляемости, надежности и безопасности ИИ.

В рамках практических действий Китай предложил совместные исследования и разработки, поддержку устойчивого развития, создание платформ для сотрудничества, обучение навыкам работы с ИИ, развитие корпуса текстовых и речевых ресурсов, строительство инфраструктуры и реагирование на этические риски [6].

В роли «лидера» Китай, опираясь на собственный технологический потенциал, ценностную позицию и статус, может стимулировать распространение технологий ИИ среди стран «Глобального Юга», помогать им создавать многоуровневую систему ИИ и предоставлять системную поддержку их участию в международном управлении искусственным интеллектом.

II. Продвижение распространения технологий искусственного интеллекта среди стран «Глобального Юга».

Выпущенный Конференцией ООН по торговле и развитию (UNCTAD) «Отчёт о технологиях и инновациях 2025 года» определяет три ключевых элемента для использования и развития ИИ: инфраструктура, данные и навыки. Все три компонента являются незаменимыми для внедрения ИИ и технологической итерации. Их совместное действие стимулирует технологический прогресс и вызывает трансформационные экономические цепные эффекты, повышает эффективность отраслей, создаёт новые экономические модели и в конечном итоге способствует экономической трансформации страны и общества [20, с. 79-83]. Китай должен усилить верхнеуровневое сотрудничество в области политики и институтов, поддержку инвестиций и финансирования, а также обеспечить инклюзивное предложение и развитие экосистемы в трёх направлениях — «инфраструктура», «данные» и «навыки», предоставляя всестороннюю поддержку странам «Глобального Юга» в

³ ИИ плюс (AI+) — это концепция и практика, предполагающая глубокую интеграцию технологий искусственного интеллекта с различными отраслями, способствующую трансформации, модернизации и инновационному развитию промышленности).

использовании, распространении и устойчивом развитии ИИ как универсальной технологии. Конкретные меры Китая могут включать пять направлений действий:

1. Политика и институты.

Создание инклюзивного консенсуса по техническому предложению и механизмов координации. Китай должен укреплять политическое взаимодействие и институциональное сотрудничество с правительствами стран «Глобального Юга», продвигать формирование согласованной политической рамки и кооперативных институциональных механизмов в области применения ИИ в развитии, общественных услугах и социальном управлении. Это можно реализовать через создание совместных рабочих групп, проведение двусторонних политических диалогов, подписание меморандумов о сотрудничестве по ключевым вопросам — внедрение технологий, законодательство, стандарты — для обмена опытом и взаимного дополнения возможностей, что позволит создать адаптированную к национальным условиям инклюзивную политику ИИ и повысить стабильность и прогнозируемость институционального обеспечения.

2. Инвестиции и финансирование.

Содействие инвестициям для поддержки инноваций и строительства инфраструктуры. Китай может использовать такие механизмы, как «Цифровой Шёлковый путь» и «Фонд помощи сотрудничества Юг–Юг», чтобы финансировать строительство инфраструктуры ИИ, создание центров вычислительных мощностей и поддержку инноваций местных компаний, смягчая долгосрочную зависимость стран «Глобального Юга» от технологий и нехватку финансов, а также способствуя их независимому развитию и устойчивости в цифровой трансформации.

3. Доступность технологий.

Ускорение распространения технологий на основе принципов открытого доступа для сокращения социальных разрывов. Китай должен использовать накопленный опыт в области открытых больших моделей, платформенных инструментов и программных фреймворков, способствуя созданию открытой технологической экосистемы для стран «Глобального Юга» и снижению порога использования технологий ИИ. Через совместные исследования и обмен инструментами страны с ограниченными возможностями и уязвимые группы смогут проще получать доступ к применимым решениям ИИ, способствуя демократизации технологий.

4. Ресурсы данных.

Содействие обмену данными, взаимному признанию правил и локализации данных. Китай может помогать странам «Глобального Юга» создавать локальные системы сбора, очистки и управления данными, формировать высококачественные наборы данных, основанные на местных языках и культуре, для разработки национальных моделей. Одновременно Китай может продвигать межрегиональное взаимодействие и координацию правил в области данных, искать баланс между «суверенитетом данных» и «трансграничным движением данных», повышая автономию и участие стран «Глобального Юга» в ресурсах для обучения ИИ и снижая зависимость от транснациональных платформ.

5. Развитие навыков.

Совместное создание системы подготовки кадров и укрепление сотрудничества между производством, наукой и образованием. Китай может совместно со странами «Глобального Юга» создавать технические учебные центры, формируя платформы для обучения, исследований и практики в области ИИ, с особым упором на подготовку молодежи, ключевых специалистов и государственных служащих. Через международное сотрудничество университетов, научных институтов и предприятий можно реализовать многоуровневую инклюзивную систему образования и подготовки кадров в области ИИ.

III. Формирование ориентированного на развитие «южного нарратива» в области искусственного интеллекта.

В нынешней международной системе управления ИИ, где доминируют несколько развитых стран, преобладающие институциональные парадигмы акцентируют внимание на «приоритете рисков», «ориентации на безопасность» и «нераспространении высоких

технологий», обычно исходя из гипотез о технологических рисках, особенно связанных с национальной безопасностью и безопасностью человечества [3, с. 68]. Эта структура дискурса в значительной мере обслуживает стратегические интересы уже технологически продвинутых стран и невольно маргинализирует интересы стран «Глобального Юга» в сфере управления ИИ. Учёные отмечают, что для стран «Глобального Юга» ключевой вопрос заключается не в том, смогут ли они догнать глобальный Север в области ИИ, а в том, смогут ли они использовать эту технологию как инструмент продвижения равенства и построения лучшего мира. Международное сообщество должно уделять больше внимания тому, как ИИ способен сокращать разрыв в развитии, способствовать прогрессу общества и служить общественным интересам. Таким образом, формирование «развивационно-ориентированного» южного нарратива ИИ является не только логической необходимостью для коллективного выражения интересов стран Юга, но и ключевой стратегией по преодолению западной зависимости от путей технологического управления и завоеванию институциональной дискурсивной власти.

Во-первых, на уровне формирования повестки дня. Китай должен продвигать смещение глобальной повестки ИИ в сторону приоритета права на развитие. В 2023 г. председатель Си Цзиньпин на диалоге лидеров «БРИКС +» подчеркнул: «Международное сообщество должно исходить из общих интересов и заботы о народе, возвращая вопросы развития в центр международной повестки [5]». Китай может активно продвигать на многосторонних платформах, таких как ЮНЕСКО и Международный союз электросвязи, включение «Инициатив по развитию через ИИ» в приоритетные темы, способствовать созданию новых институциональных платформ, стимулировать обмен технологиями и укрепление потенциала. Одновременно Китай должен усиливать теоретическое объяснение структурных проблем, с которыми сталкиваются страны «Глобального Юга» в развитии ИИ, формируя логически последовательный и нормативно убедительный «развивающийся нарратив», способный противодействовать существующей дискурсивной системе, ориентированной на безопасность.

Во-вторых, в системе технологического управления Китай должен продвигать формирование более многообразной, инклюзивной и ориентированной на развитие системы управления ИИ, используя международные многосторонние платформы для обмена технологиями и укрепления потенциала, преодолевая существующие рамки, структурно исключая страны с развивающейся экономикой. С одной стороны, пропагандируется идея «включения права на развитие в стандарты управления», предусматривающая учет таких факторов, как «строительство цифровых возможностей», «доступность технологий», «социальная адаптивность» и «недискриминационность» на ключевых этапах: оценка технологий, регулирование алгоритмов, использование данных — в соответствии со стратегиями развития ИИ стран «Глобального Юга». С другой стороны, необходимо усиливать динамичность и дифференцированность механизмов управления, формируя инструменты, которые одновременно соответствуют международному консенсусу и учитывают локальный этап развития и технологические реалии.

В-третьих, в области технологических ценностей Китай должен активно формировать систему технологических ценностей, ориентированную на развитие, инклюзивность и общественное благо, предлагая «китайскую концепцию технологий», отличающуюся от гегемонистского подхода, с акцентом на «технологии во благо», «справедливое развитие» и «совместное использование возможностей». В политике следует стимулировать проекты внешнего сотрудничества в области ИИ с ядром «ориентации на развитие» через международное обучение, транснациональные научные исследования и создание совместных лабораторий, укрепляя совместное формирование ценностей в рамках кооперации. Параллельно, с помощью многосторонних конференций, обмена опытом в аналитических центрах и академических публикациях, Китай может усилить институционализированное выражение идей и их глобальное распространение, добиваясь признания и принятия международным сообществом дискурса о праве на развитие. Расширяя платформы для

передачи ценностей и культурную основу, Китай получит более прочную когнитивную поддержку в конкуренции за идеологическое влияние, предоставляя странам «Глобального Юга» пространство для согласования идей и свободу технологического выбора.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что выдвинутая гипотеза в целом подтверждается. Деятельность Китая в сфере международного управления искусственным интеллектом действительно способствует расширению институционального участия стран «Глобального Юга», укреплению их переговорных позиций и формированию более ориентированной на развитие и инклюзивной парадигмы глобального управления ИИ.

Международное управление искусственным интеллектом касается как технологического прогресса, так и перестройки глобальной системы развития. «Глобальный Юг», будучи важным субъектом с точки зрения населения и экономики, напрямую влияет на справедливость и инклюзивность глобального технологического порядка через свою степень участия и уровень дискурсивного влияния в процессах управления. Это также имеет непосредственное отношение к реализации Целей устойчивого развития ООН.

На сегодняшний день страны «Глобального Юга» демонстрируют растущую активность в управлении ИИ, однако ограниченность цифровой инфраструктуры, маргинальное положение в цепочке создания стоимости и структурное исключение со стороны внешних механизмов препятствуют им полностью раскрыть потенциал технологий и эффективно формировать институциональный голос.

Китай, как важный член «Глобального Юга», благодаря своим накопленным технологическим достижениям, способности к институциональной интеграции и ориентации на развитие, обладает уникальными преимуществами для лидерства в вовлечении стран Юга в процессы управления ИИ.

В перспективе международное управление ИИ должно базироваться на принципах инклюзивности и всеобщей выгоды, преодолевая логику геополитической конкуренции и технологического гегемонизма, формируя глобальный консенсус, ориентированный на благо всего человечества. Китай может способствовать этому через продвижение распространения технологий, укрепление многостороннего сотрудничества и формирование развивационно-ориентированного нарратива, что позволит сократить технологический разрыв между Севером и Югом, а также усилить представительство и активную роль стран «Глобального Юга» в управленческих системах.

Этот процесс не только способствует технологической автономии и экономическому развитию стран Юга, но и привносит в глобальное управление ИИ ценности справедливости и сотрудничества, способствуя формированию более универсальных и адаптивных правил. Совместные усилия «Глобального Юга» и Китая создадут прочную основу для использования технологий ИИ во благо устойчивого развития всего человечества и внесут новые идеи и решения в перестройку международного порядка в эпоху технологий.

Литература

1. Аналитический центр Qianzhan. Анализ состояния и конкурентной структуры глобального рынка технологий умного оборудования 2023 года: общая стоимость патентов превышает 200 млрд. долл. США [Электронный ресурс]. URL: <https://bg.qianzhan.com/trends/detail/506/230117-Oebfoc80.html> (дата обращения: 17.10.2025).
2. Всемирный банк. Государственные расходы на образование, всего (% ВВП) [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SE.XPD.TOTL.GD.ZS> (дата обращения: 28.10.2025).
3. Ли Янь Международное управление ИИ: «предпочтение безопасности» и его реальные последствия // Исследования национальной безопасности. - 2025. - № 1. - С. 66-69.
4. Лу Чуаньин Цели, вызовы и китайские предложения в глобальном управлении ИИ // Современный мир. - 2024. - № 5. - С. 29-31.
5. Министерство иностранных дел КНР. Полный текст выступления Си Цзиньпина на диалоге лидеров «БРИКС+» [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202410/content_6982643.html (дата обращения: 15.10.2025).
6. Министерство иностранных дел КНР. План всеобщего развития потенциала в области ИИ [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjzbzhd/202409/t20240927_11498463shtml (дата обращения: 12.10.2025).
7. Сяо Си Сотрудничество в сфере ИИ стало «новым двигателем развития» // Global Times. - 2025. - № 1. - С. 1-13.
8. Хао Шинань «Свобода» и «несвобода»: политизация и национализация высокотехнологичных транснациональных компаний // Международная перспектива. - 2021. - № 3. - С. 130-132.
9. Хэ Инь Обеспечить, чтобы весь мир разделял выгоды от развития ИИ // Жэньминь жибао. - 2024. - № 1. - С. 1-3.
10. Цзя Кай Характеристики, дефициты и направления реформ на новом этапе глобального управления ИИ // Международный форум. - 2024. - № 3. - С. 71-75.
11. Чжан Чуньюй Реальная картина развития ИИ в Африке и множественные вызовы // Западная Азия и Африка. - 2025. - № 3. - С. 50-60.
12. Чжоу Няньли, У Сихянь Конкуренция Китая и США в области цифровых технологий: теоретическая логика и типичные факты // Современная Азия и Тихий океан. - 2021. - № 6. - С. 85-89.
13. Ши Цин Китай всегда является частью большой семьи развивающихся стран // Жэньминь жибао. - 2023. - № 1. - С. 1-15.
14. Яо Сюй, Цзян Тяньцзяо. Мотивы, практика и вызовы стран БРИКС в продвижении управления ИИ // Журнал Университета Тунцзи (социальные науки). - 2025. - № 2. - С. 41-45.
15. Binns R. Algorithmic Accountability and Public Reason // Philosophy & Technology. - 2022. - Vol. 35. - No. 3. - P. 1-23.
16. Gasser U., Almeida V.A.F. A Layered Model for Artificial Intelligence Governance // IEEE Internet Computing. - 2021. - Vol. 25. - No. 6. - P. 58-65.
17. Ding J. Technology and the Rise of Great Powers. // Princeton: Princeton University Press. - 2024. - P. 15-48.
18. Floridi L., Cowls J., King T., Taddeo M. How to Design Artificial Intelligence for Social Good: Seven Essential Factors // AI & Society. - 2021. - Vol. 36. - No. 2. - P. 417-430.
19. Okolo Chinasa T. Artificial Intelligence in the Global South: Opportunities and Challenges Toward More Inclusive Governance // International Journal of Innovative Research in Arts, Education and Technology. - 2021. - Vol. 2. - No. 1. - P. 83-84.

20. UNCTAD. Technology and Innovation Report 2025: Inclusive Artificial Intelligence for Development. Geneva: United Nations. 2025. - 169 p.
21. ESI-Africa. The Global South Is Accelerating Energy System Development Faster Than the North [Электронный ресурс]. URL: <https://www.esi-africa.com/industry-sectors/generation/global-south-powering-up-energy-systems-faster-than-north/> (дата обращения: 28.10.2025).
22. Statista. Internet Penetration Rates by Region as of February 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/269329/penetration-rate-of-the-internet-by-region/> (дата обращения: 28.10.2025).
23. Statista. Countries with the Largest Number of Data Centers as of March 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1228433/data-centers-worldwide-by-country/> (дата обращения: 28.10.2025).

References

1. Analiticheskii tsentr Qianzhan. Analiz sostoyaniya i konkurentnoi struktury global'nogo rynka tekhnologii umnogo oborudovaniya 2023 goda, obshchaya stoimost 'patentov prevyshaet 200 mlrd dollarov SShA [Analysis of the State and Competitive Structure of the Global Smart Equipment Technology Market in 2023, Total Patent Value Exceeds USD 200 Billion]. Available at: <https://bg.qianzhan.com/trends/detail/506/230117-Oebfoc80.html> (Accessed: 17.10.2025). (In Russian).
2. Vsemirnyi bank. Gosudarstvennye raskhody na obrazovanie, vsego (% VVP) [Government Expenditure on Education, Total (% of GDP)]. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/SE.XPD.TOTL.GD.ZS> (Accessed: 28.10.2025). (In English).
3. Li Yan Mezhdunarodnoe upravlenie II: «predpochtenie bezopasnosti» i ego real'nye posledstviya [International AI Governance: “Security Preference” and Its Real Implications]. Issledovaniya natsional'noi bezopasnosti [National Security Studies]. 2025, I. 1, pp. 66–69. (In Chinese).
4. Lu Chuanying. Tseli, vyzovy i kitaiskie predlozheniya v global'nom upravlenii II [Goals, Challenges and China's Proposals in Global AI Governance]. Sovremennyyi mir [Modern World]. 2024, I. 5, pp. 29–31. (In Chinese).
5. Ministerstvo inostrannykh del KNR. Polnyi tekst vystupleniya Si Tszin'pina na dialoge liderov «BRIKS+» [Full Text of Xi Jinping's Speech at the BRICS+ Leaders' Dialogue]. Available at: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202410/content_6982643.html (Accessed: 15.10.2025). (In Chinese).
6. Ministerstvo inostrannykh del KNR. Plan vseobshchego razvitiya potentsiala v oblasti II [Global Artificial Intelligence Capacity-Building Action Plan]. Available at: https://www.mfa.gov.cn/web/wjzbzd/202409/t20240927_11498463.shtml (Accessed: 12.10.2025). (In Chinese).
7. Xiao Xi. Sotrudnichestvo v sfere II stalo «novoi svyazkoi razvitiya» [Cooperation in Artificial Intelligence Has Become a “New Engine of Development”]. Global Times [Global Times]. 2025, I. 1, pp. 1–13. (In Chinese).
8. Hao Shinan. «Svoboda» i «nesvoboda»: politizatsiya i natsionalizatsiya vysokotekhnologichnykh transnatsional'nykh kompanii [“Freedom” and “Unfreedom”: Politicization and Nationalization of High-Tech Transnational Corporations]. Mezhdunarodnaya perspektiva [International Perspective]. 2021, I. 3, pp. 130–132. (In Chinese).
9. He Yin Delat' tak, chtoby ves' mir razdelyal vygody ot razvitiya II [Ensuring That the Whole World Shares the Benefits of Artificial Intelligence Development]. Zhen'min' Zhibao [People's Daily]. 2024, I. 1, pp. 1–3. (In Chinese).
10. Jia Kai Kharakteristiki, defitsity i napravleniya reform na novom etape global'nogo upravleniya II [Characteristics, Deficits and Reform Directions at the New Stage of Global AI Governance]. Mezhdunarodnyi forum [International Forum]. 2024, I. 3, pp. 71–75. (In Chinese).

11. Zhang Chunyu Real'naya kartina razvitiya II v Afrike i mnozhestvennye vyzovy [The Real Picture of Artificial Intelligence Development in Africa and Multiple Challenges]. Zapadnaya Aziya i Afrika [West Asia and Africa]. 2025, I. 3, pp. 50–60. (In Chinese).
12. Zhou Nianli, Wu Sixian Konkurentsiya Kitaya i SShA v oblasti tsifrovyykh tekhnologii: teoreticheskaya logika i tipichnye fakty [China–US Competition in Digital Technologies: Theoretical Logic and Typical Facts]. Sovremennaya Aziya i Tikhii okean [Contemporary Asia-Pacific]. 2021, I. 6, pp. 85–89. (In Chinese).
13. Shi Qing Kitai vsegda yavlyatsya chast'yu bol'shoi sem'i razvivayushchikhsya stran [China Has Always Been Part of the Big Family of Developing Countries]. Zhen'min' Zhibao [People's Daily]. 2023, I. 1, pp. 1–15. (In Chinese).
14. Yao Xu, Jiang Tianjiao. Motivy, praktika i vyzovy stran BRIKS v prodvizhenii upravleniya II [Motivations, Practices and Challenges of BRICS Countries in Advancing AI Governance]. Zhurnal Universiteta Tuntszi (sotsial'nye nauki) [Journal of Tongji University (Social Sciences)]. 2025, I. 2, pp. 41–45. (In Chinese).
15. Binns R. Algorithmicheskaya podotchetnost' i publichnyi razum [Algorithmic Accountability and Public Reason]. Philosophy & Technology [Philosophy & Technology]. 2022, V. 35, I. 3, pp. 1–23. (In English).
16. Gasser U.; Almeida V.A.F. Mnogourovnevaya model 'upravleniya iskusstvennym intellektom [A Layered Model for Artificial Intelligence Governance]. IEEE Internet Computing [IEEE Internet Computing]. 2021, V. 25, I. 6, pp. 58–65. (In English).
17. Ding J. Tekhnologii i voskhozhdenie velikikh derzhav [Technology and the Rise of Great Powers]. Princeton, Princeton University Press Publ., 2024, pp. 15–48. (In English).
18. Floridi L.; Cowls J.; King T.; Taddeo M. Kak proektirovat' iskusstvennyi intellekt dlya obshchestvennogo blaga: sem' klyuchevykh faktorov [How to Design Artificial Intelligence for Social Good: Seven Essential Factors]. AI & Society [AI & Society]. 2021, V. 36, I. 2, pp. 417–430. (In English).
19. Okolo Chinasa T. II v stranakh Global'nogo Yuga: vozmozhnosti i vyzovy na puti k bolee inklyuzivnomu upravleniyu [Artificial Intelligence in the Global South: Opportunities and Challenges Toward More Inclusive Governance]. Mezhdunarodnyi zhurnal innovatsionnykh issledovaniy v oblasti iskusstv, obrazovaniya i tekhnologii [International Journal of Innovative Research in Arts, Education and Technology]. 2021, V. 2, I. 1, pp. 83–84. (In English).
20. UNCTAD. Otchet o tekhnologiyakh i innovatsiyakh 2025 goda: inklyuzivnyi iskusstvennyi intellekt dlya razvitiya [Technology and Innovation Report 2025: Inclusive Artificial Intelligence for Development]. Geneva, United Nations Publ., 2025, 169 p. (In English).
21. ESI-Africa. Global'nyi Yug uskoryaet razvitie energeticheskikh sistem bystree, chem Sever [The Global South Is Accelerating Energy System Development Faster Than the North]. Available at: <https://www.esi-africa.com/industry-sectors/generation/global-south-powering-up-energy-systems-faster-than-north/> (Accessed: 28.10.2025). (In English).
22. Statista. Proniknovenie interneta po regionam na fevral' 2025 goda [Internet Penetration Rates by Region as of February 2025]. Available at: <https://www.statista.com/statistics/269329/penetration-rate-of-the-internet-by-region/> (Accessed: 28.10.2025). (In English).
23. Statista. Strany-lidery po kolichestvu data-tsentrov na mart 2025 goda [Countries with the Largest Number of Data Centers as of March 2025]. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1228433/data-centers-worldwide-by-country/> (Accessed: 28.10.2025). (In English).